

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Предосудителен ли патриотизм?

Опубликовано:

Христианское чтение. 1900. № 5. С. 710-745.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Предосудителенъ ли патріотизмъ?

По поводу литографированнаго письма графа Л. Толстого къ одному англичанину («Патріотизмъ или миръ»), отвѣчающаго на вопросъ положительно.

КЪ вопросу о патріотизмѣ графъ Толстой обращался не разъ: трактовалъ о немъ въ сочиненіи: «*Въ чемъ—моя вѣра*», писалъ о немъ и въ специально посвященной данному предмету брошюркѣ: «*О патріотизмѣ (письмо къ одному поляку)*», читанной нами въ 1896 г. въ книжныхъ магазинахъ г. Вѣны; о томъ же рассуждаетъ онъ, наконецъ, и въ упомянутомъ нами письмѣ къ какому-то, не называемому здѣсь, англичанину.

Положенія, имѣющіяся въ первомъ сочиненіи Толстого, уже давно рассмотрѣны и оцѣнены критикою [чит., напр., книгу проф. А. Ѳ. Гусева: «Основные правила въ нравовѣченіи графа Л. Толстого» (Москва, 1893 г., стран. 179 и и слѣд.)]. Вторая брошюрка представляетъ собою какую то безграмотную и дикую (—просимъ извиненія за употребляемое нами слово—) «галиматью», сочиненную, —весьма возможно, — сначала графомъ, а потомъ передѣланную несвѣдущимъ въ русскомъ языкѣ и не имѣющимъ логики въ головѣ какимъ-то фанатикомъ-полякомъ и вызывающую у cadaго, сколько-нибудь понимающаго дѣло, читателя только одну улыбку на устахъ и новсе не заслуживающую рассмотрѣнія. Что касается третьяго графова сочиненія, которое лишь недавно случайно попало въ наши руки ¹⁾ на нѣкоторое время, то

¹⁾ Благодаря любезности одного изъ почитателей истины и враговъ толстовской (и пр.) неправды. Высказываемъ ему (г. Бор—му) за это свою искреннюю признательность.

на немъ считаемъ долгомъ нѣсколько остановить вниманіе нашихъ читателей. Оно существуетъ лишь въ литографированномъ видѣ и, слѣдовательно, широкой публикѣ неизвѣстно, а появилось, насколько о томъ можно судить по его содержанию, года два тому назадъ: объ этомъ говорятъ намеки письма на нѣкоторыя тогдашнія политическія событія міра. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, когда именно оно появилось (и не въ томъ, между прочимъ, что оно переписано весьма безграмотно), а въ проводимыхъ въ письмѣ взглядахъ. — Итакъ, что же это за взгляды?

Если оставить (вполнѣ заслуженно) безъ всякаго вниманія неприлично-комичную часть письма, гдѣ дѣлаются излюбленные графомъ намеки на нѣкоторыхъ живыхъ лицъ и пр., если вообще игнорировать нѣкоторыя праздныя и ничего не говоряція разсужденія Толстого, — то относительно самаго существа поставленнаго нами вопроса о патриотизмѣ въ разсматриваемомъ (объемомъ въ шесть страницъ) произведеніи даннаго автора находимъ слѣдующее.

«Народы, восхваляющіе патриотизмъ», ео ipso находятся въ состояніи «ослѣпленія», въ этомъ «суевѣрїи воспитывая» и «молодыя поколѣнія» (стр. 1). «Патриотизмъ — зло», которое надлежитъ «уничтожить» (стр. 3). «Патриотизмъ — если не завоевательный, то непремѣнно-удержательный, а удержать нельзя..., какъ только насиліемъ, убійствомъ. Патриотизмъ возстановительный покоренныхъ... самый озлобленный и требующій наибольшаго насилія». «Патриотизмъ не можетъ быть хорошій». Вѣдь не «можетъ быть хорошій эгоизмъ»? А между тѣмъ послѣдній — «естественное чувство, съ которымъ человѣкъ рождается»; но «патриотизмъ — неестественное, искусственно привитое» (стр. 3). Онъ — «отжившій остатокъ старины» (стр. 4), «пережитокъ варварскаго времени» (стр. 5). Онъ «несовмѣстимъ съ ученіемъ Христа» (стр. 4). Христіанская религія возвѣщаетъ «миръ» (стр. 5), между тѣмъ какъ въ качествѣ «неизбѣжнаго послѣдствія патриотизма» являются «войны» (стр. 1). Примирить проповѣдь христіанства о мирѣ съ проповѣдью высоты патриотизма невозможно-де: придется избрать что-либо одно — или миръ, или войны. «Народы», не понимающіе истиннаго положенія дѣла, находятся-де въ «вопіющемъ противорѣчїи» (стр. 1), изъ котораго нельзя выйти иначе, какъ отбросивъ или христіанское ученіе, или защиту патриотизма. У дитяти

иногда спрашивают: что оно предпочтительно избираетъ — «вѣхать кататься, или «сидѣть дома»? Оно, соблазненное и тою, и другою перспективами, иногда отвѣчаетъ: «и то, и другое», хотя, — само собою понятно, — то и другое несомнѣ- стимы. «Христіанскимъ народамъ» предлагаютъ вопросъ: что они избираютъ — «патріотизмъ или миръ»? Они, подобно дѣ- тяти, отвѣчаютъ: «и то, и другое, хотя» совмѣщеніе перваго и втораго «невозможно» (стр. 1). «Нельзя» проповѣдывать христіанское ученіе о «мирѣ» и ученіе о полезности и нрав- ственности патріотизма «и необходимо примкнуть къ тому или другому» (стран. 5). «Общественное мнѣніе, которое караетъ всякое насиліе частнаго человѣка, восхваляетъ, воз- водитъ въ добродѣтель патріотизма всякое присвоеніе чужого для увеличенія могущества своего отечества» (стр. 2). «Если величіе и благоденствіе одной страны или народа не можетъ быть пріобрѣтено иначе, какъ въ ущербъ другой или иногда и многихъ другихъ странъ и народовъ, то какъ не быть войнѣ» (стр. 2—3)? «Производитъ войну желаніе исключи- тельнаго блага своему народу, то, что называется патріотиз- момъ» (стр. 3). Что такое нынѣшнія «приготовленія къ войнѣ всѣхъ народовъ? Все это — плоды патріотизма» (стр. 4). От- сюда, разсуждаетъ Толстой, слѣдуетъ отказаться отъ патріотизма, какъ начала, ведущаго лишь къ одному злу. «Нельзя», го- воритъ онъ, «сочувствовать могуществу своего отечества, но нужно радоваться ослабленію его и содѣйствовать этому»... (стр. 5). Въ этомъ-де направленіи надлежитъ «воспитывать» и «юношей» (ibid.). «Ученія Будды и Конфуція», — какъ бы заключаетъ свою мысль графъ, — «безъ сравненія стоятъ выше звѣрскаго патріотизма. Спасеніе Европы и вообще христіан- скаго міра... — отказаться отъ патріотизма»... и слѣдовать «примѣру братской жизни, которой мы научены Христомъ» (стр. 6)...

Такимъ образомъ, — съ точки зрѣнія графа Толстого, мысли котораго по вопросу о патріотизмѣ изложены нами по преиму- ществу собственными его словами, чтобъ никто не могъ за- подозрить насъ въ какомъ либо ихъ искаженіи, — получается слѣдующее: 1) патріотизмъ — нѣчто *случайное* въ человѣкѣ и отсюда — хуже эгоизма, какъ момента въ человѣкѣ яко бы прирожденнаго; 2) патріотизмъ — для нашего времени будто бы анахронизмъ; 3) онъ — зло, такъ какъ сопряженъ съ на- силіемъ, несомнѣстимъ съ миромъ и производитъ войны; от-

сюда 4) намъ безусловно надлежитъ отказаться отъ него; 5) онъ не гармонируетъ даже съ ученіями Будды и Конфуція, а тѣмъ болѣе 6) Христа, за Которымъ естественно должно намъ—христіанамъ—слѣдовать. Таковы, по крайней мѣрѣ, основныя и существенныя положенія разсматриваемаго нами письма графа Толстого по данному вопросу.

Состоятельны-ли они, однако ¹⁾? Посмотримъ...

1. Напрасно заводить рѣчь объ эгоизмѣ и объ его сравнительныхъ предъ чѣмъ-либо другимъ преимуществахъ. Напрасно потому именно, что хуже эгоизма ничего нѣтъ: онъ именно увлекъ нашихъ прародителей на путь грѣхопаденія, послѣ того какъ ихъ соблазнила (мнимая) «возможность слѣлаться, какъ боги, знающими добро и зло (Быт. III, 5) ²⁾». Эгоизмъ же, а не что либо другое, служилъ и служить источникомъ всѣхъ несогласій и раздоровъ, всѣхъ вообще ненормальностей въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ и проч. ³⁾ И если объ искорененіи чего особенно надлежитъ заботиться всякому, кто сколько нибудь серьезно занятъ мыслию объ удаленіи зла изъ міра или, по крайней мѣрѣ, объ уменьшеніи, о смягченіи его, т. е., зла,—то именно и только объ искорененіи эгоизма—этого зла изъ золь. Это—во первыхъ. Во вторыхъ, что эгоизмъ—«чувство естественное», это—не правда: онъ вошелъ въ природу человѣка лишь случайно, съ момента прародительскаго грѣхопаденія и вслѣдствіе послѣдняго: не было бы этого въ исторіи человечества печаль-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что въ послѣднее время толстофилы такъ озлобились на всѣхъ, болѣе или менѣе несогласно съ ними думающихъ, что съ пѣною у рта встаютъ противъ всякаго, кто рѣшается сказать хотя бы слово противъ ихъ кумира. Но вмѣсто того, чтобы разбирать положенія толстофобовъ по существу, они—толстофилы—ограничиваются такими смѣшными выраженіями: такіе то и такіе то критики Толстого не стоятъ даже и послѣдняго гвоздя на его сапогѣ...; или: всѣ академикки вмѣстѣ (т. е., Академія Наукъ въ лицѣ ея представителей) со всѣми ихъ писаніями не стоятъ и одной толстовской строки... И все. Этимъ часто и заканчивается всякая критика. Насколько она убѣдительно, каждому, конечно, ясно. Иногда, впрочемъ, толстофилы присылаютъ ихъ протвнникамъ грубыя письма и пр. И все это дѣлается ими рядомъ съ ученіемъ о «непротивленіи злу!».. *Miracula et miranda!*.

²⁾ См. нашу статью „О пасхальномъ огласительномъ словѣ св. Іоанна Златоуста“ (Хр. Чт. 1897 г. Окт., стр. 414 и др.).

³⁾ Ср. нашу статью: „При какихъ условіяхъ могъ бы наступить вѣчный миръ между отдѣльными людьми и цѣлыми народами?“ (Хр. Чт. 1899 г. Дек.).

БИБЛИОТ

паго факта, не знали бы мы и объ эгоизмѣ, какъ дурномъ, непохвальномъ чувствѣ. Отсюда эгоизмъ—явленіе собственно неестественное и во всякомъ случаѣ—не современное происхожденію самого человѣка, не вложенное въ его природу при его созданіи Творцомъ. Человѣкъ рождается съ различными, унаслѣдованными имъ отъ своихъ ближайшихъ или отдаленныхъ предковъ, качествами, свойствами, извѣстными предрасположеніями, наклонностями и пр.: одинъ со склонностью къ пьянству, другой къ воровству, третій — ко всякаго рода насиліямъ и т. п. Ужели всѣ такого рода склонности и предрасположенія могутъ быть названы естественными только потому, что данные люди съ ними рождаются? Ужели они, напротивъ, не случайны? Ужели, далѣе, грабежъ, совершенный грабителемъ, унаслѣдовавшимъ это свое качество отъ какого либо изъ своихъ предковъ (атавизмъ), самъ по себѣ, со стороны своего существа, не столь нравственно—дурное явленіе, сколь дуренъ грабежъ, совершенный лицомъ, приобрѣтшимъ склонность къ грабежу самостоятельно? Не думаемъ, потому что иначе намъ пришлось бы въ нравственной области руководствоваться слишкомъ шаткой и случайной мѣркой. Идемъ дальше. Даже оставивъ въ сторонѣ библейскую точку зрѣнія на возникновеніе въ человѣкѣ эгоистическихъ влеченій и проявленій, и въ этомъ случаѣ мы, какъ извѣстно, не въ состояніи доказать «прирожденности» человѣку, какъ такому, эгоизма,—его «первичности» по сравненію съ чувствами альтруистическаго характера. Доказать это и подобное ему оказались не въ силахъ ни утилитаризмъ, ни эволюціонизмъ, о чемъ уже у насъ въ свое время была рѣчь, повтореніе которой,—тѣмъ еще болѣе потому, что она была ведена нами сравнительно недавно, — въ настоящемъ случаѣ считаемъ совершенно излишнимъ... ¹⁾ Итакъ, положеніе Толстого объ эгоизмѣ по сравненію его съ патриотизмомъ должно быть зачеркнуто, какъ не соответствующее истинному состоянію дѣла.

Теперь спрашивается: приложима ли къ понятію патриотизма черта навязываемой ему графомъ Толстымъ «случайности»? Есть ли онъ, т. е., нѣчто лишь «искусственно

¹⁾ Чит. нашу статью: „Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“ (Хр. Чт. 1899 г. Мартъ). Тамъ указана и относящаяся къ вопросу *литература*.

привитое» къ человѣку? На первый вопросъ отвѣчаемъ: *неприложима*, на второй: *нѣтъ*.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, патриотизмъ? Это — любовь человѣка къ своему отечеству (лат. «*patria*»). Что это за любовь и какъ она возникаетъ? Подъ отечествомъ разумѣется, съ одной стороны, почва, та земля, въ предѣлахъ которой кто-либо, о комъ идетъ рѣчь, родился, — предѣлы того государства, внутри котораго онъ появился на свѣтъ; съ другой стороны и главнымъ образомъ — тотъ народъ, который населяетъ это государство и однимъ изъ членовъ котораго разсматриваемое нами лицо является. Любить отечество — значитъ проявлять чувство любви, расположенія, признательности... къ своимъ соотечественникамъ, любить даже самую мѣстность (насколько, конечно, здѣсь можетъ быть рѣчь о любви), гдѣ послѣдніе живутъ, — поддерживать (насколько отъ каждаго изъ насъ зависитъ) существующій среди нихъ и ими установленный порядокъ общежитія, способствовать (по мѣрѣ силъ) ихъ благополучію и процвѣтанію, защищать ихъ отъ всѣхъ (какъ извнѣ, такъ и изнутри) враговъ, посягающихъ какимъ-либо образомъ на ихъ достояніе и проч. и проч. Только при условіи наличности подобной любви каждаго человѣка къ своему отечеству послѣднее и можетъ развиваться, процвѣтать и вообще жить нормально. Иначе же въ немъ заявятъ о себѣ всякаго рода неурядицы, безпорядки, оно пойдетъ къ разложенію, распаденію. Недремлющіе враги, замѣтивъ отсутствіе въ данномъ государствѣ внутренняго согласія, взаимодѣйствія его членовъ, сейчасъ же воспользуются этимъ обстоятельствомъ и сдѣлаютъ на него нападеніе, произведутъ въ немъ разгромъ..., причѣмъ погибнетъ и общественное достояніе, и частное: все достанется въ добычу врагамъ. Да если бы внѣшніе враги и оставили совершенно въ сторонѣ данное государство, то оно, повторяемъ высказанную нами выше мысль, все равно погибнетъ подъ неотвратимымъ вліяніемъ со стороны внутренняго его нестройства. Все это — общеизвѣстныя картины! Не то же ли бываетъ и въ какой-угодно семьѣ? Она существуетъ и процвѣтаетъ исключительно при условіи взаимодѣйствія ея членовъ, питающихъ въ себѣ и проявляющихъ въ отношеніи другъ къ другу чувство любви. При отсутствіи же у нихъ этого чувства семья не можетъ существовать сколько-нибудь прочно и обыкновенно распадается. Примѣры у всѣхъ ежедневно предъ глазами. Ихъ много особенно въ

наши дни. Всякому, словомъ, должно быть безспорно ясно и очевидно, что если малое, такъ сказать, государство — семья можетъ существовать лишь въ томъ случаѣ, когда члены ея будутъ проникнуты взаимною любовью, согрѣты патріотизмомъ (въдѣ предѣлы семьи — для каждаго отечество въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова), то все это же и въ такой же степени надлежитъ сказать, конечно, и объ огромной семьѣ — о государствѣ. Оно сильно только мощью общео, крѣпко только общео крѣпостью. Ужели кому-либо въ семьѣ можетъ придти къ голову проповѣдывать противъ семейнаго патріотизма? Едва ли... Семейная жизнь самого графа Толстого говоритъ какъ разъ тоже самое, что говоримъ и мы. Намъ, конечно, неизвѣстна она въ ея частностяхъ и подробностяхъ, да это и не нужно: важно знать общее положеніе дѣла. А о немъ мы знаемъ хотя бы, напр., изъ (нелѣпѣйшей, къ слову сказать, и безтолковѣйшей) книжки нѣкоей Анны Сейронъ: *«Шесть лѣтъ въ домѣ графа А. Н. Толстого»* (Спб. 1895. Перев. съ нѣм.). Почему графъ Толстой въ своей жизни стоитъ за семейный, — позволимъ себѣ выразиться, — патріотизмъ? Почему онъ, — мы въ томъ убѣждены, — не отнесся бы безстрастно и безучастно къ нападенію чьему бы то ни было на его, напр., дѣтей? Пресловутое «непротивленіе злу» хорошо только тогда, когда дѣло ограничивается лишь словами. Почему онъ проявляетъ большую любовь къ членамъ своей семьи, чѣмъ къ остальнымъ людямъ... и проч. (обо всемъ этомъ можно судить по содержанию, напр., упомянутой книжки)? Почему же патріотизмъ неумѣстенъ въ расширенной семьѣ, въ государствѣ? Стоять за одно и отрицать другое непослѣдовательно, потому что и первое, и второе по существу — тождественны... Но возвратимся къ дѣлу, отъ котораго мы нѣсколько уклонились въ сторону. Мы сказали о томъ, что такое патріотизмъ, сказали объ его необходимости, необходимости, при томъ, безусловно — неизбѣжной для существованія семьи, государства, которыя, при иныхъ условіяхъ, не могутъ даже и держаться. Все это, — могутъ сказать, — такъ, вѣрно; но на поставленный выше вопросъ о случайности явленія патріотизма, о томъ, что онъ — явленіе именно извнѣ, со стороны пришедшее, «навязанное»..., мы пока еще не дали отвѣта. И если, молю, отвѣтъ будетъ подтверждающій эту случайность..., тогда придется, конечно, отказаться отъ патріотизма въ виду того вреда, какимъ онъ, по (близору-

кому, какъ увидимъ ниже) мнѣнію Толстого, сопровождается, — придется отказаться, не смотря на приносимую имъ пользу семьѣ, извѣстному государству, — придется отказаться во имя характера самаго существа дѣла. И такъ, что же мы можемъ сказать о возникновеніи патриотизма, любви къ отечеству? Узы, соединяющія челоуѣка съ его родиною, съ его отечествомъ, многоразличны и весьма тѣсны. Мы родились въ извѣстной мѣстности, ее первую созерцали, по ней судили о всѣхъ другихъ, здѣсь протекли наши дѣтскіе годы, здѣсь мы рѣзвились и играли, здѣсь выросли: мы привыкли даже къ родному воздуху, который, какъ замѣтилъ еще Карамзинъ ¹⁾, иногда испѣляетъ наши недуги, пріобрѣтенные нами гдѣ-либо на чужой сторонѣ: нашъ физическій организмъ, такимъ образомъ, сроднился съ окружавшею наши дѣтскіе годы природою; не всякій, уѣхавъ съ родины, можетъ сколько-нибудь привыкнуть къ другой мѣстности; на своей родинѣ намъ дорогъ рѣшительно каждый уголокъ, который напоминаетъ намъ о различныхъ случаяхъ изъ нашей дѣтской жизни и проч. Ужели послѣ всего этого были бы понятны и естественны наши равнодушныя чувства къ нашей родинѣ? Ужели наша любовь къ послѣдней — не естественна и случайна? Она, напротивъ, вполне неизбежна, вполне естественна. Она не прививается со стороны, такъ какъ иначе она не у всѣхъ бы наблюдалась (исключенія, какъ такія, естественно не принимаются во вниманіе) и не отличалась бы тою крѣпостью, какая ей, однако, присуща въ дѣйствительности. Пусть кто-нибудь припомнитъ и проанализируетъ тѣ чувства, какія возникали въ немъ всякій разъ при возвращеніи его съ чужбины на родину, — пусть отнесется къ этому безпристрастно и съ надлежащею серьезностью, — и тотъ согласится съ высказанными выше мыслями... Вполнѣ естественная и всецѣло понятная наша любовь къ родинѣ, какъ такая, дѣлаетъ вполнѣ непонятнымъ иное отношеніе къ послѣдней, равнодушіе къ ней, незнакомое даже и въ мѣрѣ бесловесныхъ животныхъ, каждое изъ которыхъ по своему, но непремѣнно любитъ свою родину, свои родные лѣса, свои родныя долины..., и увезенное на чужбину хирѣетъ, мучится, а нерѣдко и умираетъ. Развѣ можетъ быть здѣсь рѣчь о какой-либо случайности, объ искусственномъ привитіи къ бесловеснымъ даже

¹ Чит. его разсужденіе „О любви къ отечеству и народной гордости“.

животнымъ любви къ родинѣ? — Отъ понятія отечества, какъ извѣстной страны, извѣстной мѣстности, перейдемъ къ понятію его же, но уже какъ извѣстнаго народа, племени, націи, и посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло здѣсь? Дитя, появившееся на свѣтъ, уже инстинктивно чувствуетъ себя связаннымъ тѣсными узами любви со своею матерью, съ которой оно ранѣе составляло одно цѣлое въ теченіи девятимѣсячнаго періода. При одномъ видѣ своей матери оно радуется, тянется къ ней. Эта любовь постепенно дѣлается уже сознательной и крѣпнеть все болѣе и болѣе. Голосъ крови неотразимо влечетъ дитя и къ отцу, постоянныя заботы котораго о немъ — дитяти, свидѣтельствуя послѣдному (по мѣрѣ пробужденія сознательной его жизни) о любви къ нему его отца, тѣмъ самымъ усиливаютъ и укрѣпляютъ то естественное дитяти влеченіе... Словомъ, дитя любитъ своихъ родителей, и эта любовь — безусловно естественна, всецѣло понятна и ни въ какомъ разѣ не случайна, ни въ какомъ случаѣ не прививается искусственно и со стороны. Это — безспорный и непререкаемый фактъ. Далѣе любовь дитяти къ родителямъ, расширяясь, переходитъ вполнѣ естественно и на братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ, связанныхъ съ ними узами крови — самыми сильными и неотразимыми, а также условіями ихъ жизни, ставящими ихъ въ тѣсное и обыкновенно болѣе или менѣе постоянное взаимное соприкосновеніе. Сюда надлежитъ присоединить единство, все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени устанавливающееся, съ растущимъ и начинающимъ уже жить сознательною жизнью дитятей у окружающихъ его членовъ семьи и вообще его родственниковъ, — единство на почвѣ религіозныхъ убѣжденій (постепенно передаваемыхъ дитяти окружающими его лицами), знаній вообще, языка, житейскихъ потребностей и интересовъ и проч. Благодаря всему этому и подобному, растущее дитя безусловно не можетъ равнодушно-безразлично относиться къ своимъ близкимъ, къ своимъ родственникамъ. Единственно — понятными, единственно — естественными ихъ взаимоотношеніями являются отношенія любви, самая тѣсная, искренняя. И они, повторяемъ настойчиво, не случайны, кроются въ единствѣ крови этихъ лицъ, здѣсь имѣютъ свое первое основаніе и побужденіе и затѣмъ, подъ вліяніемъ указанныхъ моментовъ, лишь все болѣе и болѣе выясняются и укрѣпляются. Разъ возникшія, эти отношенія любви, какъ естественныя и не случайныя,

сохраняютъ свое значеніе и во все дальнѣйшее время жизни данныхъ лицъ (исключенія, повторяемъ, ни здѣсь, ни въ другихъ случаяхъ въ расчетъ не принимаются). Связанное тѣсными узами со своими родственниками, дитя не можетъ относиться безразлично и къ другимъ, окружающимъ его, лицамъ—землякамъ: съ одними оно раздѣляетъ дѣтскія игры и забавы, вмѣстѣ съ ними рѣзвится, вмѣстѣ учится въ школь..., со всѣми оно въ одномъ храмѣ молится Богу, имѣя одного отца—руководителя, т. е., пастыря Церкви; у всѣхъ—множество общихъ интересовъ, одинаковыхъ вкусовъ и наклонностей, объясняемыхъ условіями ихъ жизни, значительно или иногда даже и всецѣло тождественными...; у нихъ общи и радости, и печали, по крайней мѣрѣ, касающіяся всего мѣстечка или города; у нихъ одинъ языкъ для выраженія мыслей и проч.; настолько они близки другъ къ другу духовно, что, какъ говорится, понимаютъ другъ друга съ полуслова... До какой степени тѣсны узы, связывающія насъ съ нашими земляками, это видно въ тѣхъ случаяхъ, когда къ намъ, находящимся вдали отъ родины, явится кто-либо изъ нихъ: хотя бы мы до того времени не видали даннаго земляка ни разу и не знали о немъ, но достаточно сказать намъ, что онъ—именно землякъ нашъ, и мы встрѣчаемъ его съ радостію, въ его личности видя нѣчто родное, нѣчто особенно намъ близкое... Но наша любовь не ограничивается одними земляками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; она распространяется и на всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, съ которыми мы связаны единствомъ племенной крови, единствомъ нравовъ, обычаевъ и проч. и проч. Вполнѣ естественно, что мы любимъ ихъ, — само собою понятно, что равнодушно относиться къ нимъ не можемъ. Наше государство, членами котораго мы являемся, по сравненію его съ другими государствами, для насъ—то же, что наша семья по сравненію съ другими семьями. Мы чувствуемъ себя связанными, конечно, и съ другими государствами немалыми узами, но все это — уже не столь тѣсныя узы. Мы должны быть расположены къ членамъ и другихъ государствъ, но это расположеніе, естественно, уже не столь сильно, сколь значительно наше расположеніе къ нашимъ соотечественникамъ. Возвращаясь изъ чужихъ земель, человѣкъ радъ встрѣчѣ перваго—попавшагося соотечественника, а тѣмъ болѣе опъ радъ встрѣтить кого-либо изъ послѣднихъ за-границей. Всѣмъ уже, ка-

жется, известно отношеніе евреевъ къ намъ—русскимъ,— всѣмъ уже известно какія чувства они могутъ внушать намъ (не говоримъ, при этомъ, о различіи религіозныхъ убѣжденій, племенного происхожденія..., разумѣемъ лишь поведеніе евреевъ въ отношеніи къ намъ—русскимъ), и, однако, встрѣтившись съ однимъ изъ нихъ въ Австріи, отрекомендовавшимся: «я тозе ружки жъ миншкой губерни», мы лично обрадовались ему, какъ родному, совершенно забывъ въ это время о дѣйствительной значимости этого «русскаго». И если семья въ лицѣ ея членовъ всячески защищаетъ свои интересы противъ посягательствъ на нихъ со стороны тѣхъ или иныхъ враждебныхъ элементовъ, то это же дѣлаетъ и большая семья—государство; и если дѣйствія семьи въ данномъ случаѣ считаются нормальными и естественными (при иныхъ условіяхъ семья исчезла бы, раздавленная тѣми элементами), то таковыми же должны (по той же причинѣ) считаться и дѣйствія большой семьи—государства (впрочемъ, подробности объ этомъ чит. у насъ ниже). Если наша любовь къ своимъ школьнымъ товарищамъ, съ которыми мы случайно встрѣтились въ стѣнахъ, напр., высшаго учебнаго заведенія и провели четыре года, послѣ чего снова разошлись въ разныя стороны,—остается на всю жизнь, и мы, во имя ея, помогаемъ другъ другу въ тяжелыя минуты, поддерживаемъ другъ друга и пр., и все это считается естественнымъ и нормальнымъ, а противоположное—неестественнымъ и ненормальнымъ; то все то же и подобное въ гораздо большей степени надлежитъ сказать о нашихъ отношеніяхъ къ лицамъ, къ которымъ мы стоимъ въ отношеніяхъ не случайныхъ и не временныхъ и проч. и проч. Нѣтъ, мы безусловно не въ состояніи хотя сколько-нибудь согласиться съ положеніемъ, что патриотизмъ, въ какомъ бы смыслѣ (узкомъ или широкомъ) мы ни понимали его, явленіе случайное, искусственно привитое къ человѣку. Благодаря чему каждый изъ насъ является известною личностью, обладающею известными убѣжденіями, известнымъ духовнымъ богатствомъ? Благодаря своему отечеству, всячески о насъ пекущемуся, всячески заботящемуся о нашемъ умственномъ, нравственномъ и, что особенно важно, нашемъ религіозномъ просвѣщеніи,—дающему намъ для цѣлей нашего просвѣщенія всякаго рода средства, указывающему разнообразныя къ тому побужденія и проч. Космополитами, для которыхъ нѣтъ опредѣленнаго отечества, для которыхъ

патріотическая любовь незнакома, — по нашему убѣжденію, могутъ быть только, по крайней мѣрѣ, въ наше время, нравственные уроды, какіе-либо нравственные выродки (къ числу каковыхъ нѣкоторые иностранные мыслители, спокойно оцѣнивающіе міровоззрѣніе графа Толстого, не прочь отнести и послѣдняго), люди безъ чувства, неблагодарные, въ концѣ концовъ грубые эгоисты и только эгоисты: *кто на словахъ любитъ весь міръ вообще, кто любитъ, по его увѣренію, всѣхъ вообще людей одинаково, почему де и не находитъ нужды выдѣлять изъ нихъ тѣхъ или иныхъ (напр., соотечественниковъ), тотъ въ дѣйствительности не любитъ рѣшительно никого, кромѣ самого себя*: всѣхъ людей дѣятельно любить невозможно по яснымъ каждому причинамъ, — каждый, если хочетъ, можетъ проявлять свою дѣятельную любовь только къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ такъ или иначе сталкивается; игнорированіе же послѣднихъ, во имя указанной выше цѣли, — повторяемъ, — говоритъ объ игнорированіи и всѣхъ..

2. Если, какъ мы видѣли, патріотизмъ не есть явленіе случайное, лишь извнѣ привитое искусственными мѣрами къ человѣку, а — вполнѣ естественное; если отсутствіе въ человѣкѣ патріотическихъ чувствъ, напротивъ, явленіе неестественное и ненормальное; то отсюда вполнѣ ясенъ и самъ собою понятенъ тотъ отвѣтъ, какой долженъ быть нами данъ на второй изъ поставленныхъ у насъ выше вопросовъ: не есть ли въ наши дни патріотическое чувство — анахронизмъ, не есть ли оно «отжившій остатокъ старины», «пережитокъ варварскаго времени»? Отвѣтъ этотъ можетъ быть только и только отрицательный. Ни о какомъ анахронизмѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, равно какъ и ни о какомъ «остаткѣ старины», являющемся будто бы обломкомъ эпохи варварства. Какая тутъ «старина» лишь, какое тутъ «варварство» лишь, когда предъ нами явленіе, которое, согласно съ его существенными свойствами, никогда не старѣетъ, всегда юно, потому что соотвѣтствуетъ самой природѣ человѣка, какъ такого, и неразрывно съ нею связано? Космополитизмъ, напротивъ, — понимаемый, конечно, въ обычномъ смыслѣ слова, — есть явленіе, къ которому скорѣе всего могутъ быть приурочены признаки анахронизма. Пророками космополитизма въ философскомъ мірѣ являются, какъ извѣстно, «циники» и «особенно римскіе стоики». Но что лежало въ основѣ такого ихъ ученія? «Упадокъ политической жизни греческихъ горо-

довъ послѣ пелопонезской войны», наряду съ нѣкоторыми и другими менѣ существенными причинами, «привелъ къ отрицательному взгляду на требованія ограниченнаго мѣстнаго патріотизма. Если» доселѣ «человѣкъ понимался только какъ гражданинъ своего города, то, съ потерей независимости и значенія городовъ (особенно во время македонскаго, а потомъ римскаго владычества), онъ сталъ сознавать себя гражданиномъ всего міра». Такому представленію дѣла, преимущественно заявлявшему себя «въ римскую эпоху, способствовалъ... универсальный характеръ самого римскаго государства»... ¹⁾ Вотъ какіе моменты преимущественно обусловили собою возникновеніе космополитическихъ идей въ указанную нами эпоху. По временамъ они же приводили къ аналогичнымъ отчасти результатамъ и позже. Въ настоящее же время такіе моменты менѣ всего умѣстны: теперь невозможно мечтать объ образованіи какого-либо «всемирнаго» государства на манеръ римскаго и проч.; теперь, напротивъ, сознаніе обособленности каждаго государства, — что преимущественно надлежитъ сказать о государствахъ первоклассныхъ, — выступаетъ какъ нельзя болѣе сильно: малѣйшее, хотя бы и призрачное, чье-либо посягательство на честь того или иного государства теперь сейчасъ же вызываетъ взрывъ патріотическаго негодовагія въ послѣднемъ (фактами въ подобномъ родѣ переполнены нынѣшнія газеты). Словомъ, космополитическія идеи, въ ихъ пониманіи людьми въ родѣ Толстого и К^о, въ настоящее время являются полнымъ анахронизмомъ, осколкомъ, выхваченнымъ изъ древняго времени, особенности котораго не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ. Говоря все это, мы, разумѣется, не имѣемъ въ виду космополитизма, понимаемаго въ правильномъ смыслѣ. Объ этомъ космополитизмѣ у насъ рѣчь будетъ ниже. А теперь по поводу его ограничимся слѣдующими только словами: «весьма часто», — говоритъ неизвѣстный авторъ замѣтки о космополитизмѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза—Ефрона, — космополитизмъ берется лишь въ отрицательномъ смыслѣ, какъ простое отсутствіе патріотизма или привязанности къ своему народу и отечеству, какъ будто теряющему всякій интересъ съ точки зрѣнія универсальныхъ идей. Но такое пониманіе дѣла не правильно. Мысль о цѣ-

¹⁾ Энциклоп. Слов. Брокгауза—Ефрона: (полут. 31; Спб. 1895 г., стран. 378—79; параграфъ неизвѣстнаго автора о «космополитизмѣ.»

ломъ не упраздняетъ реальнаго значенія частей, и какъ любовь къ отечеству не противорѣчитъ непременно привязанности къ болѣе тѣснымъ социальнымъ группамъ, напр., къ своей семьѣ, такъ и преданность всечеловѣческимъ интересамъ не исключаетъ патриотизма»... ¹⁾). Словомъ, говорить, что патриотизмъ—какой то остатокъ древняго варварства, это значить не понимать дѣла или завѣдомо фальшиво,—по указкѣ своей односторонне—близорукой и ложной точки зрѣнія, — представлять его и навязывать свои вымыслы другимъ. Впрочемъ, — замѣтимъ мимоходомъ, — въ данной области столкнуться съ людьми, подобными Толстому, болѣе, чѣмъ трудно, если имѣть въ виду ихъ взгляды на вопросы въ родѣ изслѣдуемыхъ нами, напр., на разсматривавшійся нами выше вопросъ объ естественности патриотической любви. Почва, на которой Толстымъ разсматривается вопросъ объ «естественности» тѣхъ или другихъ человѣческихъ проявленій, въ высшей степени скользка, безусловно ненадежна, представляя собою движущійся песокъ или засасывающую тину. Ужъ всякому, кажется, ясно, о чемъ говоритъ тотъ фактъ, что Творцомъ созданы — мужескій полъ и женскій. Этотъ фактъ, безотносительно къ чьимъ бы то ни было стороннимъ его толкованіямъ и разъясненіямъ, самъ по себѣ слишкомъ краснорѣчивъ. Естественность половыхъ отношеній не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ и можетъ оспариваться только слѣпымъ духомъ и умомъ. И, однакожь, по мнѣнію Толстого и подобныхъ ему лицъ, эти отношенія неестественны. Разсужденія этихъ мыслителей похожи на то, какъ еслибы кто-либо, напр., сталъ доказывать, что хотя у насъ и есть глаза, но пользоваться ими неестественно, что хотя у насъ и есть языкъ, но говорить неестественно, что неестественно и ходить, хотя намъ и даны ноги и проч. ²⁾)... Возвращаясь къ прерванной рѣчи, съ настойчивостью утверждаемъ, что патриотическое чувство и естественно, и всегда современно,— что если оно присуще и варварамъ, дикарямъ, то это говорить лишь къ ихъ чести—и только! Но, если варвары ненормально примѣняютъ это благородное чувство въ своей

¹⁾ Ibid., стр. 379.

²⁾ Подробности объ этомъ вопросѣ (о бракѣ) см. въ нашей статьѣ: „Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи“ (Хр. Чт. 1898 г. Апрель).

жизнедѣтельности, то это уже другой вопросъ, нимало не относящійся къ существу дѣла...

3. Однако, намъ могутъ сказать (что и дѣлаеть, напр., — какъ мы выше видѣли, — Толстой), что патріотизмъ вреденъ для людей, для ихъ благосостоянія. Кто-либо можетъ сказать: допустимъ, что патріотическое чувство — и естественно, и современно, но, не смотря на это, слѣдуетъ пожертвовать имъ въ виду того, что оно — зло, что оно дѣлаеть невозможнымъ существованіе между людьми мирныхъ отношеній, что оно служитъ причиною войнъ и раздоровъ. Если все это — вѣрно, тогда, конечно, не будемъ и спорить и, скрѣпя сердце, принесемъ разсматриваемое чувство въ жертву человѣческому благополучію. Но вѣрно ли? Нѣтъ. Даемъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ по слѣдующимъ въ частности причинамъ и побужденіямъ.

Если, какъ мы видѣли, патріотизмъ — чувство естественное, находящее свой корень и объясненіе въ самой человѣческой природѣ, въ ея основныхъ свойствахъ, то уже отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что онъ не можетъ сопровождаться какими-либо дурными послѣдствіями, если только правильно примѣняется, при нормальныхъ условіяхъ проявляется. Если Богъ вложилъ въ нашу природу чувство, побуждающее насъ любить родителей своихъ, родственниковъ, соотечественниковъ..., то несомнѣнно вложилъ его для общаго блага, чтобъ, благодаря ему — чувству, созидалась и скрѣплялась семья, а въ слѣдъ за ней получали устойчивость и узы племенные и т. д., — чтобъ, благодаря ему, люди помогали другъ другу не по однимъ только корыстнымъ и подобнымъ имъ побужденіямъ и проч., а и по мотивамъ чистымъ. Если же люди злоупотребляютъ данными чувствами, то отсюда ничего не слѣдуетъ такого, что могло бы говорить и говорило бы противъ существа самаго чувства. Мало ли чѣмъ мы злоупотребляемъ; но по такимъ злоупотребленіямъ нельзя же судить о пользѣ или вредѣ, о состоятельности или несостоятельности... того, чѣмъ мы ненормально пользуемся.

Но, говорятъ, патріотизмъ возбуждаетъ войны, является врагомъ мирной жизни; а не будь его, не было бы-де и этихъ печальныхъ явленій: кто-нибудь прямо или косвенно задѣлъ интересы нашего отечества, мы, движимые своимъ патріотическимъ чувствомъ, немедленно же воспламеняемся противъ оскорбителя, объявляемъ ему войну; намъ тѣсно въ своемъ

отечествѣ, и вотъ, чтобъ дать возможность своимъ соотечественникамъ съ большими удобствами устроить свою внѣшнюю жизнь, мы приобретаемъ новыя страны путемъ, конечно, насилія, — равнѣ приобретенныя такимъ же путемъ мы стараемся удержать въ своей власти и проч. Но патриотизмъ ли, *какъ такой*, здѣсь виноватъ? Не въ другомъ ли чемъ дѣло? Не ищутъ ли подобныя Толстому лица причины войнъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ? Посмотримъ...

Что такое патриотизмъ, если можно такъ выразиться, «оборонительный»? Мирно живутъ семья, государство... Врагъ дѣлаетъ нападеніе съ цѣлю завладѣть ихъ достояніемъ, да и ими самими. Что имъ дѣлать? «Не противиться злу?» Пожертвовать всѣмъ, чѣмъ они владѣютъ и что приобретено ими путемъ долгихъ и настойчивыхъ усилій? А самимъ идти въ кабалу къ поработителямъ? Лица, проповѣдующія, что все зло отъ патриотизма, отвѣтятъ: *да*. Они скажутъ: зачѣмъ защищать отечество? Не все ли равно, кто будетъ вами управлять и проч.? Вотъ въ томъ то и дѣло, что не все равно. Прежде всего, почему должны пропадать наши труды, благодаря которымъ мы приобрѣли извѣстное достояніе? Почему мы должны отдавать все это врагамъ (а въ нихъ никогда не будетъ недостатка), отдавать потому только, что на ихъ сторонѣ грубое нахальство? При томъ, если бы дѣло касалось однихъ только насъ, а и не нашихъ семей и пр., тогда еще можно было бы при извѣстной точкѣ зрѣнія примириться съ подобнымъ положеніемъ вещей; но на какомъ основаніи мы будемъ приносить въ нелѣпую жертву окружающихъ насъ? Возможно также, что овладѣвшіе нами враги могутъ стѣснить нашу религіозную свободу (развѣ подобныхъ явленій не видимъ даже и теперь, напр., въ Австріи, во Франціи?). Вполнѣ возможно, что они стѣснятъ нашу нравственную жизнедѣятельность, не позволятъ нашему я развиваться въ нормальномъ отношеніи (примѣровъ, сколько угодно и нынѣ: возьмите хоть ту же Австрію, въ частности, Галицкую Русь...). А развѣ все это и подобное для насъ безразлично? Развѣ послѣ всего этого мы имѣемъ какое-либо для себя оправданіе, «не противясь злу», принося ему въ жертву, — при томъ, самую нелѣпую, — все, что составляетъ для насъ самую дорогую святыню? Никакого. Напротивъ, будемъ всецѣло повинны въ томъ, что содѣйствуемъ распространенію зла, между тѣмъ какъ въ нашей власти было воспрепятствовать этому и отворотить вредныя по-

слѣдствія отъ допускаемаго нами его распространенія. Виновные въ попустительствѣ, мы eo ipso въ соответствующей степени отвѣтственны за совершаемое зло и въ качествѣ какъ бы самихъ производителей его. Спокойно взирая на нападающихъ враговъ, руководящихся въ этомъ случаѣ однимъ ненасытнымъ своимъ эгоизмомъ, мы eo ipso оказываемся сочувствующими эгоистамъ, ихъ соучастниками. Расчитывать, что, видя наше «несопротивленіе» ихъ насилію, враги устыдятся, измѣнять затѣмъ свое обращеніе съ нами и все вообще свое поведеніе, было бы болѣе, чѣмъ смѣшно и вполнѣ наивно. Дѣло въ томъ, что свойства эгоизма — этого исконнаго и страшнаго бича человѣчества — всѣмъ извѣстны: чѣмъ меньше онъ встрѣчаетъ препятствій къ своему проявленію, чѣмъ меньше на его пути лежитъ преграда, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе о себѣ онъ заявляетъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ растетъ. Въ концѣ концовъ, при содѣйствіи нашего попустительства, эгоизмъ враговъ нашихъ восторжествуетъ, водарится деспотизмъ, а съ нимъ вмѣстѣ водворятся несправедливости, всякаго рода притѣсненія..., все, что угодно, только не миръ, о которомъ, по видимому, столь искренно хлопочуть и заботятся противники патріотизма, каковъ Толстой. Кажущійся, наружный миръ, какой въ лучшемъ случаѣ можетъ быть, — когда какому-либо эгоистическому народу удастся покорить себѣ всѣ окружающіе народы и племена и когда, слѣдовательно, не окажется сколько нибудь опасныхъ и грозныхъ враговъ за предѣлами даннаго государства, какъ то было въ древности — въ эпохи такъ называемыхъ всемірныхъ государствъ, — не будетъ миромъ въ истинномъ смыслѣ слова. Пресловутый «рах Романа» — въ дѣйствительности нѣчто совсѣмъ иное, нѣчто худшее даже и внѣшнихъ войнъ, если принять во вниманіе дѣйствительныя чувства въ отношеніи другъ къ другу различныхъ народовъ и племенъ, составлявшихъ своею совокупностію римскую, столь восхваляемую нѣкоторыми нынѣ, имперію. Едва ли гдѣ меньше было внутренняго мира, въ истинномъ смыслѣ этого слова, нежели въ этомъ государствѣ; раздоры же всякаго рода были тамъ постоянны (сравни въ миньютурѣ аналогичное положеніе дѣла въ нынѣшнихъ — Австро-Венгріи или въ Англии...). Да иначе не можетъ и быть вообще тамъ, гдѣ царить, съ одной стороны, эгоизмъ, а съ другой, нелѣпое «непротивленіе злу»... — Между тѣмъ совсѣмъ другая картина получается, когда люди дѣлаютъ серьезную попытку, вмѣсто этого «непротивленія злу»,

поставить преграду эгоистическимъ поползновеніямъ нападающихъ на нихъ враговъ, движимые въ этомъ случаѣ своимъ патриотическимъ чувствомъ. Въ этомъ случаѣ уже не будетъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, о какихъ мы говорили выше. Эгоизмъ враговъ будетъ стѣсненъ и отсюда онъ уже не въ состояніи будетъ причинять человѣчеству столько зла и вреда, сколько онъ причинялъ бы ему, ничѣмъ не сдерживаемый и не стѣсняемый. Конечно, выступая съ противодѣйствіемъ своимъ врагамъ, мы совершаемъ зло, зло само по себѣ нежелательное, но несравненно меньшее, чѣмъ то, какое наступило бы при иномъ, охарактеризованномъ нами выше, отношеніи къ дѣлу, при нашемъ попустительствѣ. А разъ мы поставлены въ необходимость (именно въ необходимость, если принять во вниманіе то, что нами выше сказано) выбирать между двоякимъ зломъ—большимъ и меньшимъ, само собою понятно, на какую сторону надлежитъ намъ склониться... Словомъ, руководясь столь нежеланнымъ Толстому патриотизмомъ, мы поступимъ сравнительно лучше, чѣмъ въ противномъ случаѣ. И самыхъ войнъ при этихъ условіяхъ будетъ меньше, потому что веденіе ихъ будетъ не такъ легко и не столь безопасно, какъ и сколь при условіи нашего и чьего бы то ни было «несопротивленія злу», и уже это одно обстоятельство заставитъ призадуматься, все взвѣсить, да рассчитать, прежде чѣмъ рѣшиться объявить войну (сравн. ту боязливость и крайнюю осторожность, съ какими въ наши дни рискуютъ начинать войну культурныя, понимающія дѣло, государства). Всѣ, при томъ, отлично понимаютъ, что дѣло здѣсь не въ патриотизмѣ: не въ наличности и не въ отсутствіи его, а въ эгоизмѣ и только въ немъ одномъ. Этотъ эгоизмъ безпощаденъ и не смирить его пассивнымъ держаніемъ себя передъ нимъ. Скорѣе можно подобнымъ путемъ смирить какого угодно дикаго звѣря, чѣмъ человѣческой эгоизмъ, злѣе котораго не было, нѣтъ и не будетъ ничего. Ясно, что и средствъ противъ войнъ надлежитъ искать вовсе не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ Толстой: не въ погашеніи патриотической любви, а въ возможно ббльшемъ подавленіи эгоизма. Если господство послѣдняго никогда не приведетъ людей къ миру, то не приведетъ къ этому и отсутствіе перваго, пока эгоизмъ не будетъ укрощенъ не внѣшними, конечно, мѣрами (противъ нихъ возстаетъ Толстой, да онъ и по ихъ существу, конечно, не цѣлесообразны до конца), а каждымъ изъ насъ въ самомъ себѣ, слѣдовательно, мѣрами

внутренними. Въ то время, какъ мы писали эти строки (въ началѣ текущаго года), вышла въ свѣтъ книга Сутерланда (въ русск. переводѣ): «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта» (Спб. 1900 г.),—книга, переполненная всякаго рода вздоромъ англійской эволюціонной школы. Но даже и здѣсь по мѣстамъ встрѣчаются мысли, не согласиться съ которыми невозможно. Въ частности, по данному вопросу интересны слѣдующія строки Сутерланда: «нація, которая руководилась бы въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ націямъ чисто симпатическими принципами» (т. е., пока, предполагается, эгоизмъ еще продолжалъ бы царить между людьми вообще), «погибла бы вслѣдствіе обмановъ и жестокости сосѣдей. Нація, которая попробовала бы обращаться съ другими на чисто эгоистическомъ принципѣ: бери все и не давай ничего, скоро возстановила бы противъ себя всѣхъ и была бы уничтожена» (стр. 796) (даже и Англія съ ея ненасытными стремленіями къ захватамъ—и та изрѣдка поступаетъ своими интересами въ пользу государствъ, которыхъ побаивается: изъ позднѣйшихъ событій въ этомъ родѣ характерны касающіяся вопроса о захватахъ англичанами германскихъ пароходовъ въ пресловутой бухтѣ Делагоа)... И такъ, намъ слѣдуетъ помнить, что въ эгоизмѣ—корень всякихъ раздоровъ (это въ достаточной мѣрѣ уже было выяснено нами въ *нашей* статьѣ: «При какихъ условіяхъ могъ бы наступить вѣчный миръ между отдѣльными людьми и цѣлыми народами») ¹⁾. Помня это, въ соотвѣтствующемъ направленіи намъ слѣдуетъ и настраивать себя и другихъ, особенно воспитываемое нами молодое поколѣніе. Чѣмъ меньше эгоизма, тѣмъ лучше! Это съ одной стороны. Съ другой, намъ слѣдуетъ съ особенною настойчивостью заботиться объ усиленіи и возможномъ расширеніи (а повторяемъ: не объ устраненіи) нашей патріотической любви, объ единственно нормальномъ ея направленіи. Какъ уже выяснено нами раньше, мы вполнѣ естественно проявляемъ любовь къ своимъ родителямъ. Эта любовь, какъ нами выяснено также, вполнѣ естественно же затѣмъ переходитъ и на нашихъ родственниковъ, и на нашихъ земляковъ, соотечественниковъ вообще. Что при этомъ особенно замѣчательно, нашъ узкій патріотизмъ (т. е., наша любовь къ родителямъ и родственникамъ) нисколько не служитъ (ср. выше)

¹⁾ „Хр. Чт.“ дек. 1899 г.

тормозомъ. для развитія нашего патріотизма—болѣе широкаго (т. е., нашей любви къ своимъ соотечественникамъ). Но сколь естественнымъ является переходъ узкаго патріотизма въ указанномъ смыслѣ въ болѣе широкій въ отмѣченномъ же смыслѣ, не менѣе же естественнымъ можетъ быть признано и дальнѣйшее развитіе, дальнѣйшее расширеніе этого болѣе широкаго патріотизма въ еще болѣе широкій, въ общечеловѣческую любовь. По крайней мѣрѣ, лица съ высоко-развитымъ нравственнымъ чувствомъ отчетливо сознаютъ необходимость подобнаго расширенія даннаго чувства, побуждаемые къ этому мыслями объ единствѣ происхожденія людей (какъ бы послѣднее ни понималось ими, это въ настоящемъ случаѣ безразлично), о тождествѣ ихъ природы, о тождествѣ испытываемыхъ ими чувствъ удовольствія и страданія, о тождествѣ ихъ потребностей и проч. и проч. Все дѣло въ томъ, чтобъ мы заботились о развитіи въ себѣ подобнаго высокаго нравственнаго чувства и подобнаго указанному сознанія, съ одной стороны, а съ другой, старались о томъ же, т. е., о развитіи этого чувства и этого сознанія, и у окружающей насъ среды. Чѣмъ больше успѣха будутъ имѣть такіа заботы и старанія наши, тѣмъ болѣе и болѣе человѣческій патріотизмъ (самъ по себѣ,—снова повторяемъ,—вполнѣ естественный, необходимый и неотвратимый) будетъ расширяться и переходить въ общечеловѣческій, т. е., другими словами: тѣмъ больше и больше будетъ воплощаться въ жизни человечества Христова заповѣдь о любви человѣка къ ближнему, какъ къ самому себѣ (Галат. V, 14), тѣмъ меньше и меньше мы будемъ слышать о войнахъ, столь смущающихъ Толстого, да и кого угодно другого, — тѣмъ прочнѣе и прочнѣе будетъ утверждаться на землѣ вождѣлѣнный миръ... И такъ, вотъ къ чему приводятъ насъ размышленія о такъ называемомъ «оборонительномъ» патріотизмѣ.

Что такое патріотизмъ «завоевательный»? Стремленіе, изъ желанія матеріальныхъ благъ своей родинѣ, къ присвоенію [путемъ насилія (явнаго или скрытаго), обыкновенно путемъ войны] достоянія чужого, принадлежащаго какому-либо другому народу. Другими словами: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чистѣйшимъ, непререкаемымъ эгоизмомъ, съ тѣмъ проявленіемъ эгоизма, которыми такъ богата исторія человечества всѣхъ временъ, начиная съ древнѣйшихъ и до настоящаго включительно. При этомъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ гнуснѣе

и гнуснѣ данное проявленіе эгоизма о себѣ говорить. Если прежде завоеватели обыкновенно не скрывали того, что вели войны по эгоистическимъ побужденіямъ, съ цѣлью наживы и пр. (таковы, напр., какой-нибудь Навуходносоръ, Сеннахиримъ..., Александръ Великій..., Батый и пр. и пр.), то теперь пытаются замаскировать свой эгоизмъ, прикрыться какими-либо измышляемыми высшими и чистыми побужденіями (примѣръ—предъ глазами всѣхъ: гнусная война англичанъ съ бурами, въ основѣ которой лежитъ, какъ всѣмъ прекрасно извѣстно, алчное желаніе Джона-Буля завладѣть золотоносною трансваальскою землею,—данное именно желаніе и ничто больше, какъ это въ настоящее время уже выяснено и раскрыто различными путями съ достаточною ясностію, хотя Англія въ лицѣ своихъ министровъ и пр. и пытается выставить себя вынужденною къ войнѣ и воюющею за свободу, равноправность и прочія, измышляемая ею, цѣли). Такого патріотизма, конечно, никто не можетъ одобрить,—никто его и не одобряетъ, исключая развѣ лицъ въ родѣ Чемберлена, Джемсона, Сесила Родса и К^о (озвѣрѣвшихъ подъ влияніемъ кровавыхъ бифштексовъ), подобно тому какъ никто не одобритъ челоуѣка, вышедшаго на большую дорогу, подстерегшаго путника и бросившагося на послѣдняго съ цѣлію его ограбить. Здѣсь—разбой, грабежъ—и только! Здѣсь одно зло и зло! Здѣсь мы, собственно говоря, не видимъ и патріотизма. «Завоевательный» патріотизмъ не есть патріотизмъ, сколько-нибудь приближающійся къ истинному. Это, если угодно, патріотизмъ, но совершенно фальшивый, лживый, подобно тому какъ никто не назоветъ нормальною любовью дѣтей къ родителямъ такую, при которой первые, чтобъ доставить тѣ или иныя блага послѣднимъ, совершаютъ грабежи, убійства и пр. Это—любовь, но извращенная, ненормальная, болѣзненная. Если же проповѣдуютъ моралисты и пр. патріотизмъ, то всего меньше думаютъ о «завоевательномъ». Нечего было Толстому заводить о немъ и рѣчь. Послѣдняя здѣсь могла быть только и только о грубомъ эгоизмѣ, всѣми и безъ того порицаемомъ. Толстой сражается съ имъ же самимъ измышленными опасностями или въ крайнемъ случаѣ говорить азбучныя истины, для высказыванія которыхъ глубокомысленный и уничтожающій своимъ величіемъ тонъ совсѣмъ неумѣстенъ.—Нельзя смѣшивать съ этимъ «завоевательнымъ» патріотизмомъ стремленія сильнаго народа подать руку помощи слабому

противъ притѣснителей послѣдняго,—стремленія, потомъ получающаго то или иное вознагражденіе на счетъ притѣснителей, наказанныхъ и стѣсненныхъ въ своихъ деспотическихъ дѣйствіяхъ. Сильный защищаетъ слабого (напр., въ 1877—1878 гг. Россія—славянъ) по чувству христіанской любви къ ближнему, по чувству состраданія къ этому, прирожденнаго человѣку. Такое поведеніе сильнаго понятно и всѣми одобряется. Иное же было бы неестественно и неодобрительно со строго нравственной точки зрѣнія. Защитивъ слабого, сильный для наказанія притѣснителя и для вознагражденія понесенныхъ имъ самимъ трудовъ и потерь иногда присоединяетъ къ своей территоріи часть территоріи притѣснителя (такъ, напр., поступила Россія въ отношеніи къ Турціи въ указанные годы), оказывается такимъ образомъ въ положеніи завоевателя... Все это въ порядкѣ вещей, и насколько согласно со смысломъ нравственнаго Христова закона, объ этомъ мы не думаемъ даже и говорить, такъ какъ это къ изъясняемому нами предмету не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія. Наше дѣло—отмѣтить только то, что здѣсь мы встрѣчаемся не съ патриотизмомъ («завоевательнымъ» или какимъ бы то ни было другимъ), а съ явленіемъ совершенно иного порядка, аналогичнымъ съ тѣмъ, когда совершившій извѣстную работу человѣкъ требуетъ себѣ извѣстнаго, заслуженнаго имъ, вознагражденія за свои труды и усилія. А что гораздо лучше было бы, еслибъ онъ трудился безкорыстно, это, конечно, вѣрно, но въ тоже время это—уже совершенно другой вопросъ, не имѣющій отношенія къ нашему.

Что такое патриотизмъ «удержательный»? Это—такого рода любовь къ своему отечеству, подъ вліяніемъ которой мы всячески заботимся о сохраненіи во власти послѣдняго того, что имъ ранѣе было завоевано и что въ данную минуту составляетъ его собственность. Естественны ли такія заботы наши? Да. Могутъ ли онѣ быть оправданы? Безспорно. Вполнѣ понятно стремленіе каждаго сохранить у себя то, что имъ разъ пріобрѣтено, при томъ, цѣною большихъ усилій и упорнаго труда. Вполнѣ оправдывается такое стремленіе наличностью моментовъ, отмѣченныхъ нами выше въ концѣ рѣчи о такъ называемомъ «завоевательномъ» патриотизмѣ. Конечно, послѣ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ благъ человѣкъ можетъ добровольно отказаться отъ нихъ и возвратитъ ихъ тѣмъ лицамъ, которымъ они принадлежали раньше, но такое возвращеніе

вполнѣ честно заслуженнаго вовсе не обязательно, хотя оно, разумѣется, служило бы признакомъ особенно высокаго нравственнаго развитія даннаго лица. Другой, конечно, разговоръ былъ бы въ томъ случаѣ, еслибъ мы имѣли дѣло съ чьимъ-либо несправедливымъ захватомъ, котораго, какъ именно несправедливаго, одобрить, безъ сомнѣнія, мы не могли бы. Но о немъ у насъ нѣтъ и рѣчи, такъ какъ нечего говорить о томъ, что само собою уже понятно.—Затѣмъ совершенно напрасно говорить, какъ утверждаетъ Толстой, что «удержать нельзя... какъ только насиліемъ, убійствомъ»... Такое утверждение совсѣмъ невѣрно. Можно народу, овладѣвшему другимъ, такъ поставить себя въ отношеніи къ послѣднему, такъ заботиться объ интересахъ этого, объ его матеріальныхъ благахъ, объ его духовномъ благоустройствѣ и проч., что онъ и самъ не захочетъ отдѣляться отъ своего сильнаго покровителя, безъ котораго онъ, кромѣ того, могъ бы подвергаться постоянной опасности со стороны какихъ-либо эгоистичныхъ своихъ сосѣдей, да и предоставленный только себѣ не могъ бы благоденствовать и желательнымъ образомъ развиваться матеріально и духовно. Какая тутъ рѣчь о насиліи, объ убійствахъ? Все это прекрасно сознается нѣкоторыми небольшими народцами, и они даже сами иногда (напр., въ Средней Азіи) просятъ принять ихъ въ подданство какой-либо великой (напр., русской) державы. Словомъ, насилія и убійства въ данномъ случаѣ не только не неизбежны, но, по мѣрѣ культурнаго развитія народовъ, становятся все болѣе и болѣе непонятными и случайными. Дикое обращеніе англичанъ съ покоренными ими индусами, изъ которыхъ тѣ высасываютъ всѣ жизненные соки, для настоящаго времени—анахронизмъ, и когда мы говоримъ объ отношеніяхъ завоевателей къ подчиненнымъ имъ народамъ, то завоевателей, подобныхъ англичанамъ, какъ эгоистовъ и эгоистовъ только, въ виду естественно не имѣемъ.—Идемъ далѣе. Иногда надлежитъ какому-либо сильному народу удерживать въ своей власти покоренные имъ народы даже и противъ желанія послѣднихъ,—надлежитъ удерживать по различнымъ побужденіямъ въ родѣ слѣдующихъ. Въ обыденной жизни нерѣдко назначаютъ опекуновъ или надъ малолѣтними дѣтьми, оставшимися сиротами послѣ своихъ родителей и безъ посторонней помощи неспособными ни распорядиться оставленнымъ имъ родителями ихъ достояніемъ, ни вообще вести своей жизни нормальнымъ образомъ,—

или надъ взрослыми, но слабоумными или даже безумными, которые, предоставленные самимъ себѣ, могутъ причинить ничѣмъ неоправимый вредъ какъ себѣ лично, такъ и окружающимъ ихъ людямъ и проч. Аналогичныя отношенія требуются иногда и по адресу тѣхъ или иныхъ народовъ со стороны другихъ. Нельзя дать свободы нѣкоторымъ изъ завоеванныхъ извѣстнымъ народомъ націямъ или потому, что, пользуясь свободой, онѣ внесли бы въ свою внутреннюю жизнь только безпорядки, смуты и раздоры и привели бы себя къ гибели, или потому, что онѣ не позволили бы своимъ сосѣдямъ спокойно жить, но постоянно тревожили бы ихъ нападеніями, совершали бы «насилія и убійства» и пр. (таковы, напр., поляки, извѣстные своими невмѣняемыми выходками въ прошломъ, таковы же и финляндцы, въ лицѣ quasi-интеллигентной своей части обнаруживающіе самые невозможно-дикіе нравы и инстинкты, свойственные только безумнымъ или слабоумнымъ ¹⁾). Отсюда опека надъ ними—дѣло необходимое и неизбежное. Но, и опекая ихъ, завоеватели обыкновенно щадятъ ихъ индивидуальныя особенности, ихъ нравы, обычаи, религіозныя убѣжденія и т. под. Кто изъ завоевателей относится къ завоеваннымъ народамъ иначе, тѣхъ въ виду не имѣемъ (да теперь такихъ, кромѣ англичанъ, австрійскихъ нѣмцевъ..., почти и нѣтъ). По мѣрѣ того, какъ опекаемые народы пользуются гуманнымъ къ нимъ отношеніемъ ихъ завоевателей нормально, послѣдніе все менѣе и менѣе ихъ стѣсняють, и наоборотъ (подобно тому какъ все это видимъ въ обыденныхъ отношеніяхъ опекуновъ къ опекаемымъ ими несовершеннолѣтнимъ, слабоумнымъ и пр.). Въ концѣ концовъ опекаемые народы часто совершенно сливаются съ ихъ завоевателями и уже отсюда болѣе не заходитъ рѣчи объ ихъ освобожденіи изъ подъ власти тѣхъ. Иногда, впрочемъ, подобная опека получаетъ лишь временный характеръ (обратите вниманіе, напр., на положеніе Босніи, Герцеговины, Египта и пр.), и, по минованіи тѣхъ или иныхъ условій, она совершенно прекращается, послѣ чего опекаемыя націи ведутъ вполне независимую жизнь.. и пр.—Словомъ, въ «удержательномъ» патриотизмѣ, если онъ нормально понимается и примѣняется, нѣтъ

¹⁾ Чит., напр., „Новое Время“ отъ 9 февр. 1900 г. (№ 8604, стр. 3): „о бойкотированіи въ Гельсингфорсѣ» (этой пресловутой финляндской столицѣ!!) „бывшаго сень-михельскаго губернатора т. сов. Споре»..

рѣшительно ничего худого, нѣтъ ничего, непременно требующаго «насилій и убійствъ». Это худое, эти «насилія и убійства», напротивъ, были бы на-лицо при иномъ порядкѣ вещей, когда завоевываемыя націи безъ разбора возстановлялись бы въ ихъ свободѣ и т. д. (подобно тому какъ если бы, — во имя принципа свободы, во имя отрицанія всякаго безъ различія принужденія, — пользовались полною свободою въ своей дѣятельности дѣти и слабоумные)...

Наконецъ, патріотизмъ «возстановительный» есть стремленіе завоеваннаго кѣмъ-либо народа или народа, утратившаго въ извѣстной войнѣ или другимъ какимъ-либо путемъ тѣ или другія свои достоянія и права, возвратитъ себѣ утерянное. Рѣдко такое стремленіе къ возстановленію осуществляется мирнымъ путемъ (черезъ посредство дипломатическихъ переговоровъ или дипломатическаго вмѣшательства со стороны представителей какого-либо *третьяго* государства и проч.). Обыкновенно здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями совершенно иного порядка, съ явленіями жестокости, насильственныхъ отношеній поработченнаго, но стремящагося возвратитъ свою свободу, народа къ его поработителямъ, съ явленіями иногда дикой разнузданности страстей, когда человѣкъ уже перестаетъ давать себѣ ясный и сознательный отчетъ въ своемъ поведеніи и пр. Отсюда Толстой, какъ мы видѣли, и называетъ «возстановительный патріотизмъ покоренныхъ... самымъ озлобленнымъ и требующимъ наибольшаго насилія». Что можно сказать объ этомъ проявленіи патріотической любви? Насилій и тому подобныхъ обнаруженій, какія при взрывѣ послѣдней въ настоящемъ случаѣ имѣютъ мѣсто, самихъ по себѣ одобрить, разумѣется, нѣтъ никакой возможности. Они—зло и только зло. Какъ зла, ихъ слѣдуетъ всячески избѣгать. Но, вслѣдствіе того, что зло, грѣховная испорченность такъ переплелись съ человѣческою жизнію, что не въ силахъ человѣка, какъ такого, избѣжать встрѣчи съ ними, обойтись безъ нихъ,—ему нерѣдко приходится дѣлать выборъ между различными видами зла. Уклониться отъ послѣдняго всякій разъ могъ бы только тотъ, чья жизнь текла бы всегда нормально. А такихъ людей, какъ извѣстно, нѣтъ. Наличные люди ненормально пользуются и временемъ, и дарованными имъ свыше силами и способностями... Отсюда ихъ встрѣчи со зломъ необходимы, неизбежны. Не имѣя возможности всегда избѣгать зла, человѣкъ заботится о томъ,

по крайней мѣрѣ, чтобъ избѣгать зла большаго по сравненію съ другимъ. Такого рода положеніе дѣла, къ сожалѣнію, нынѣ неизбѣжно. Перейдемъ теперь къ трактуемому нами вопросу. Одинъ народъ покоренъ другимъ и притѣсняется этимъ. Притѣсненія до такой степени сильны, что притѣсняемые не въ состояніи болѣе ихъ выносить. Имъ остается или отказаться отъ своихъ религіозныхъ и національныхъ, отъ предковъ унаслѣдованныхъ, завѣтовъ, умереть духовно..., или возстать противъ притѣснителей. Конечно, здѣсь «*datuq*» и «*tertium*»: не отказываясь отъ своихъ духовныхъ завѣтовъ и не возставая противъ притѣснителей, притѣсняемые могли бы героически переносить страданія и всякаго рода мученія до смерти включительно, и это сдѣлало бы честь ихъ твердому, чисто-христіанскому духу (такъ и бывало въ древнія христіанскія времена), но на такіе подвиги способны лишь немногіе люди, а большинство послѣднихъ далеко не таково (что и естественно до извѣстной степени)... Итакъ, вернемся къ обыкновеннымъ людямъ, неспособнымъ на мученическіе подвиги. Что имъ дѣлать? Пояснимъ дѣло примѣромъ. Всѣмъ извѣстны тѣ ужасныя турецкія звѣрства, какимъ подвергались славянскія народности, подчиненныя Турціи, въ 70-хъ годахъ: грабежи, убійства, всякаго рода притѣсненія и насилія—вотъ чѣмъ непрерывно заявляли себя турки-чудовища въ Герцеговинѣ, Босніи, Болгаріи; грозилъ конецъ народности южныхъ славянъ, ихъ религіозныя убѣжденія всецѣло попирались притѣснителями, ихъ жены, дочери, сестры обезчещивались, скотъ угонялся, имущество расхищалось... Худшаго положенія не могло и быть. Что оставалось дѣлать славянамъ? Умирать? Но жизнь такъ привлекательна... И вотъ они рѣшились, взявши оружіе, возстановить свои права, столь долго попиравшіяся турками. Началось возстаніе со всѣми обычными его ужасами, которые, однакожъ, далеко уступали тѣмъ ужасамъ, какими оно было вызвано. Послѣднее было зломъ, но, однакожъ, меньшимъ по сравненію съ тѣмъ, для предотвращенія котораго оно явилось. Слѣдуетъ ли здѣсь особенно нападать на взрывъ патриотическаго чувства славянъ? Бьютъ меня, бьютъ моихъ родителей, братьевъ, сестеръ... Ужели я—обыкновенный смертный—могу только «не сопротивляться злу»? Ужели я не стану защищать и себя, и особенно ихъ? Здѣсь мы, при томъ, имѣемъ дѣло не только съ однимъ патриотическимъ чувствомъ, какъ двигателемъ че-

ловѣческаго поступанія, но, пожалуй, еще болѣе съ инстинктомъ самосохраненія, вложеннымъ въ нашу природу при самомъ ея созданіи. Человѣкъ, защищая себя, свою жизнь, свое достояніе, возстаетъ противъ притѣснителя. Противъ послѣдняго одновременно возстаютъ и другіе, вмѣстѣ спланиваясь противъ общаго ихъ притѣснителя. Инстинктъ самосохраненія подсказываетъ каждому, что не единичное, а массовое сопротивленіе притѣснителю цѣлесообразнѣе... — Нѣтъ, патріотизмъ даже и «возстановительный» не долженъ быть безъ оглядки и безъ разбору всякій разъ порицаемъ. Напрасно каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ твердить о патріотизмѣ и всю вину относить только на его счетъ. Патріотизмъ самъ по себѣ не виноватъ ни въ какомъ случаѣ. Не въ немъ дѣло, и устраненіемъ его ничего благотворнаго не достигнуть. Все дѣло въ эгоизмѣ и только въ немъ. Вотъ о стѣсненіи эгоизма-то и слѣдуетъ говорить и заботиться. Стѣснивъ его, мы можемъ достигнуть самыхъ благотворныхъ результатовъ по части регулированія человѣческихъ взаимоотношеній, особенно если, по противоположности эгоистическому началу, будемъ проводить въ своей личной жизни принципъ любви—все прощающей, все извиняющей, благотворящей, милосердствующей..., будемъ располагать къ тому же и окружающихъ насъ лицъ. По мѣрѣ того, какъ ученіе христіанской любви будетъ все болѣе и болѣе распространяться и все болѣе и болѣе будетъ вытѣснять собою изъ человѣческаго сознанія эгоистическія наклонности, — будутъ исчезать изъ міра и войны и будутъ исчезать сами собою, подобно тому какъ въ частныхъ отношеніяхъ между высоконравственными людьми никогда не имѣютъ мѣста раздоры, ссоры и несогласія, столь обычныя, напротивъ, во взаимоотношеніяхъ людей, не достигшихъ достаточной нравственной высоты. И какъ любовь высоконравственныхъ людей къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣтямъ..., патріотическая въ узкомъ смыслѣ слова, нисколько не препятствуетъ имъ проявлять только любовь же и къ остальнымъ людямъ, хотя бы эти не состояли и ни въ какомъ съ ними родствѣ; такъ, напротивъ, отсутствіе патріотизма у эгоистовъ нисколько не содѣйствуетъ установленію миролюбивыхъ отношеній ихъ къ окружающимъ, а скорѣе—наоборотъ—содѣйствуетъ установленію отношеній какъ разъ противоположныхъ тѣмъ. Кто не имѣетъ горячей любви къ своимъ близкимъ, тотъ никогда не

будеть имѣть дѣйствительной (а не призрачной) любви и къ остальнымъ людямъ (объ этомъ сравн. также и выше). Если его не трогаютъ кровныя узы, связывающія его съ родными, то тѣмъ менѣе тронуть сравнительно болѣе слабыя узы, соединяющія его съ остальными людьми. Все это — истины общеизвѣстныя, азбучныя. Спорить противъ нихъ было бы болѣе, чѣмъ странно. «Общiе интересы» (по Бенеке) «возможны лишь въ той мѣрѣ, въ какой человекъ причастенъ различнымъ частнымъ интересамъ и въ какой послѣднiе постепенно сливаются между собою. Въ противномъ случаѣ выраженiе: человечество, съ какимъ бы павосомъ и одушевленiемъ оно ни произносилось, останется мертвымъ и пустымъ звукомъ»... ¹⁾ Итакъ, повторяемъ, дѣло не въ патриотизмѣ, а въ эгоизмѣ. Толстому слѣдовало бы говорить о послѣднемъ, а не о первомъ, если только его серьезно озабочивали международныя войны, если только онъ серьезно считаетъ вождѣлѣннымъ благомъ — всеобщій миръ, всеобщее согласiе и единенiе. Развѣдающая все человѣчество болѣзнь — источникъ всѣхъ другихъ человѣческихъ недуговъ — эгоизмъ и только онъ одинъ. Противъ него и должны быть направлены всѣ лѣкарства пытающихся вылечить человѣчество врачей, а не противъ того, что само по себѣ, какъ напр., патриотизмъ, къ дѣлу не имѣетъ никакого отношенiя. Все это и подобное не перестанемъ высказывать хотя бы десятки, сотни разъ, такъ какъ мы глубоко убѣждены въ непреложной истинности своихъ словъ.

4. Если-же патриотизмъ самъ по себѣ не предосудителенъ, — если зло въ видѣ войнъ и пр. происходитъ вовсе не отъ него, а отъ ложнаго имъ пользованiя, отъ ложнаго его примѣненiя (а злоупотребленiе самою по себѣ прекрасною вещью, какъ извѣстно, не дѣлаетъ дурною послѣдней), -- короче: отъ эгоизма, то ясно, что намъ не зачѣмъ и отказываться отъ патриотической любви. Такой отказъ слѣдовать чувству естественному, самому по себѣ весьма симпатичному, благородному, коренящемуся въ чистомъ нравственномъ источникѣ..., былъ бы въ высшей степени дѣломъ противоестественнымъ, и рекомендовать его, т. е., отказъ, болѣе, чѣмъ странно. И такъ, будемъ не угашать въ себѣ, а напротивъ, все болѣе и болѣе

¹⁾ Цитата взята у проф. А. Э. Гусева: стр. 273 его книги: „Нравствен. идеалъ буддизма въ его отношенiи къ христіанству“ (С. И. В. 1874 г.).

возгрѣвать столь дорогое патріотическое чувство, направляя его по должному пути и примѣняя его нормально! Вмѣсто того будемъ подавлять въ себѣ и всячески стѣснять эгоизмъ, ни на минуту не забывая, что отъ него — все зло, всѣ бѣдствія, всѣ раздоры, войны!.. А главнымъ образомъ (такъ какъ объ этомъ у насъ рѣчь) будемъ всегда имѣть въ сознаниі, что патріотизмъ — источникъ добра и эгоизмъ — источникъ зла — два понятія совершенно различныя.

5) Но патріотизмъ, — говоритъ Толстой, — не гармонируетъ съ ученіями даже Будды и Конфуція. Тѣмъ болѣе, — предполагается —, мы, какъ уже успѣвшіе далеко уйти отъ этихъ древнихъ учителей, должны подобнымъ-же образомъ относиться къ данному вопросу. Но дѣйствительно-ли должны? Обязательно-ли намъ слѣдовать голосу этихъ лицъ? Отчего кстати было не упомянуть Толстому еще о циникахъ и стоикахъ, проповѣдывавшихъ, какъ извѣстно, космополитизмъ? Отчего было не привести намъ въ примѣръ и этихъ мыслителей? Для насъ — христіанъ — не могутъ быть въ данномъ случаѣ какими-либо авторитетами какъ послѣдніе, такъ особенно первые. Если графу Толстому такъ нравятся Конфуцій и Будда, которыхъ онъ превозноситъ по вопросу о патріотизмѣ, то, будучи послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы преклоняться и предъ другими положеніями нравственнаго міровоззрѣнія того и другого моралистовъ, такъ какъ ихъ взглядъ на патріотизмъ неотдѣлимъ отъ общаго ихъ нравственнаго идеала. Въ частности, онъ долженъ былъ-бы, слѣдуя, напр., первому, допустить, что «зло» въ мірѣ «необходимо, что «утилитаристическій» характеръ нравственнаго поступанія есть желательный моментъ, вопреки безкорыстному, что «самоубійство — дѣло, достойное почитанія» и проч. ¹⁾). Слѣдуя второму, графъ долженъ былъ бы восхвалять, напр., мнѣнія, что «жизнь — зло», что «не развивать» свои «духовныя силы» и способности человѣкъ долженъ, а «подавлять», что мотивы къ нравственному поступанію могутъ быть только своекорыстны, что женщина — «зло», что потеря «личной» сознательной жизни — благо для человѣка, даже вожделѣнное и пр. ²⁾ Но

¹⁾ Чит. объ этомъ, напр., у проф. М. А. Олесницкаго въ „Исторіи нравственности и нравственныхъ ученій“ ч. 2 (Кіевъ, 1886 г.), стрн. 12, 41, 52 и мног. друг.

²⁾ Чит. объ этомъ у проф. А. Ѳ. Гусева въ его книгѣ: „Нравствен-

допускать подобныя нелѣпости ученій Конфуція и Будды болѣе, чѣмъ трудно, безконечно странно. Лишь только по вопросу о корыстности мотивовъ нравственнаго человѣческаго поступанія... еще можно было-бы безъ труда сговориться съ современными представителями англійской эволюціонной школы, у которыхъ находимъ не психологію, а, какъ характерно (хотя и неудачно съ филологической стороны) выразился одинъ нашъ соотечественникъ (преждевременно умершій), «скотологію». Впрочемъ; допустимъ, что, слѣдуя эклектическому методу, Толстой могъ отбросить все остальное, что ему не нравилось, и остановиться на ученіи Конфуція и Будды по вопросу о патриотизмѣ. Почему китайцы, слѣдуя ученію своего религіознаго учителя, не ведутъ войнъ? Потому-ли, что они,—если выразиться языкомъ Толстого, — не «сочувствуютъ могуществу своего отечества» и «радуются ослабленію его, содѣйствуютъ этому» (стрн. 5 его письма), короче: «стоятъ выше звѣрскаго патриотизма» (стрн. 6)..? Въо все не по этимъ причинамъ. Они, какъ извѣстно, «сочувствуютъ могуществу своего отечества» въ высшей степени, «считая одно свое только государство истиннымъ и полноправнымъ, всѣ же прочія націи варварскими, безправными, назначенными быть въ подчиненіи Китаю ¹⁾». Отсюда ясно, что у китайца нѣтъ недостатка въ патриотизмѣ. Скорѣе наоборотъ: у него оказывается прямо-таки избытокъ этого чувства. И если, однако, китайцы, не смотря на все это, миролюбивы, избѣгаютъ войнъ и подобныхъ столкновеній съ другими народами, то вовсе не по недостатку у нихъ патриотизма, а по совершенно другой причинѣ, именно въ силу пассивности ихъ характера. «Народъ съ активнымъ характеромъ» подобное китайскому міровоззрѣніе «повело бы къ наступательнымъ войнамъ и завоеваніямъ». Впрочемъ, даже и китайцы «оправдываютъ войну оборонительную»... ²⁾ Словомъ, графъ Толстой приписываетъ Конфуцію, ученію послѣдняго черты, ему въ дѣйствительности не принадлежація (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ онъ беретъ судить о вещахъ, ему мало извѣстныхъ или даже и совсѣмъ невѣдомыхъ, что, однакожь,

ный идеаль буддизма въ его отношеніи къ христіанству" (СПБ. 1874 г.), стрн. 145, 146 и др.

¹⁾ См. цитов. сочин. проф. М. А. Олесницкаго: стрн. 72.

²⁾ Ibid., страи. 72.

не мѣшаетъ ему вести рѣчь или точнѣе изречь премудрость тономъ «непогрѣшимого» римскаго папы)... Почему буддисты проповѣдуютъ миръ? Потому ли, что онъ «дорогъ» имъ «въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его христіанинъ»? Нѣтъ. Для нихъ онъ «дорогъ» лишь какъ «апатическое состояніе, безразличное ко всякимъ движеніямъ духа — добрымъ и злымъ». Отсюда понятна причина, по которой они избѣгаютъ и всякаго рода войнъ... Буддистъ — не патріотъ. Это — правда. Но почему? Потому что ему нечего любить, такъ какъ все, что существуетъ, зло. Любить что-либо значило бы поддерживать зло. Помогать кому-либо изъ любви къ нему? Зачѣмъ? Это значило бы содѣйствовать продленію бытія, улучшенію жизни извѣстнаго человѣка, другими словами: содѣйствовать злу, отдалять человѣка отъ блаженнаго момента погруженія въ нирвану. Зачѣмъ человѣку быть патріотомъ, оказывать содѣйствіе, проявлять любовь къ своему государству, когда самое бытіе послѣдняго — зло, потому что, по мнѣнію буддиста, «государственный организмъ не долженъ, собственно говоря, и существовать», такъ какъ онъ содѣйствуетъ улучшенію условій земной жизни человѣка, т. е., злу... Даже самое понятіе любви, какъ извѣстнаго положительнаго качества, буддистамъ безусловно незнакомо... ¹⁾ Ужели просвѣщенному европейцу (не говоря ужъ: христіанину) въ наши дни можно восхвалять подобныя буддійскія нелѣпости? Не думаемъ. Ужели можно указывать на буддистовъ (съ ихъ миѳическимъ или полумиѳическимъ учителемъ), какъ на образецъ, взирая на который намъ надлежитъ отказаться отъ своего патріотизма? То, что понятно съ точки зрѣнія буддиста, всецѣло бессмысленно съ точки зрѣнія всякаго культурнаго человѣка (не говоримъ ужъ: христіанина). Едва ли кто-либо изъ послѣднихъ скажетъ, что «жизнь» сама по себѣ — «зло», что слѣдуетъ «подавлять» присутствію намъ «силы», а не развивать ихъ вслѣдствіе... (ср. выше)! Отсюда и дѣлаемыми изъ такихъ нелѣпыхъ и дикихъ взглядовъ выводами пользоваться странно и удивительно! — И такъ, нечему намъ учиться ни у Конфуція, ни у Будды, столь восхваляемыхъ графомъ Толстымъ. Нечего, поэтому, и указывать намъ на нихъ и стыдить насъ ихъ взглядами. Еслибъ мы усвоили себѣ ихъ міровоззрѣніе (правильно понимаемое) и стали проводить его въ своей жизни, то получи-

¹⁾ Цит. соч. проф. А. Э. Гусева: стрн. 278, 279, 277 и друг.

лось бы нѣчто до такой степени дикое, что самъ же Толстой раньше другихъ завопіялъ бы...

6. Что примѣру нашего Спасителя, нашего Господа Иисуса Христа мы должны слѣдовать въ своей жизнедѣятельности, это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію (Матѣ. XI, 29. Иоанн. X, 27; XV, 12; XIII, 14—17. 1 Иоанн. II, 6, III, 16. 1 Петр. II, 20, 21. Римл. XV, 2. 3. Ефес. V, 2. Филипп. II, 5. 1 Тимое. VI, 12. 13. 14. Евр. XII, 2. 1. 3 и друг.). Если примѣры Конфуція и Будды для насъ не имѣють рѣшительно никакого значенія, то примѣръ Богочеловѣка, спасага насъ отъ грѣха и его слѣдствій—проклятія и смерти, безусловно обязательенъ для насъ. И такъ, спрашивается: какъ относится къ вопросу о патриотизмѣ нашъ Спаситель и все вообще Слово Божіе?

Ветхозавѣтный еврейскій народъ находился подъ особымъ руководствомъ Божіимъ. Патриотизмъ его извѣстенъ, и, однако, послѣдній не подвергался за нормальное обнаруженіе своихъ патриотическихъ чувствъ никакому порицанію отъ Бога, каковое онъ получалъ лишь за поведеніе противоположнаго характера (припомн. исторію отношеній ветхозавѣтныхъ евреевъ къ другимъ народамъ). Руководители еврейскаго народа—пророки отличались патриотизмомъ въ высшей степени. Это были «вдохновенные выразители патриотическихъ чувствъ», о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ такіе, напр., библейскіе памятники, какъ «Плачь Іереміи» и СXXXVI «Псаломъ»¹⁾. Всѣ 5 главъ «Плача» отъ начала и до конца—сплошное выраженіе глубокаго патриотизма писателя. А развѣ не характерны эти слова указаннаго псалма: *«если я»,* говоритъ псалмопѣвецъ, *«забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главъ веселія моею»* (ст. 5—6)?! Но вотъ пришелъ на землю Сынъ Божій для спасенія человѣчества. Твсрецъ всѣхъ — Онъ всѣхъ и восхотѣлъ спасти. Но, хотя любовь Его «объемлетъ собою весь человѣчскій родъ, не допускаетъ нравственнаго различія между природою іудея и язычника, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, раба и свободнаго; и, однако же, она не обращается въ космополитизмъ и отвлеченную гуман-

¹⁾ Проф. А. Ѡ. Гусевъ: „Основные правила въ правоученіи графа Л. Толстого“ (Москва, 1893 г.), стрн. 192.

ность, въ отсутствіе чувства національности и индивидуаль-
ныхъ особенностей»¹⁾. «Чувство національности», чувство,—
иначе сказать,—патріотическое, напротивъ, постоянно и суще-
ственно обнаруживалось Господомъ. Будучи по плоти сыномъ
Израиля, Онъ прежде всего послѣднему и возвѣщаетъ Свое
божественное ученіе, объ его именно спасеніи и печется:
«*Я*», говоритъ Онъ хананеянкѣ, просившей Его объ испълненіи
ея бѣсновавшейся дочери, «*посланъ только къ погибшимъ
овцамъ дома Израилева*» (Матѣ. XV, 24... ср. Марк... VII, 27...)
Посылая двѣнадцать Своихъ апостоловъ проповѣдывать Его
ученіе, Господь «*заповѣдалъ имъ, говоря: на путь къ языч-
никамъ не ходите и въ городъ Самарянскій не входите;
а идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева*»...
(Матѣ. X; 5, 6). О чемъ все это говорить? Не о томъ ли,
что Иисусъ Христосъ,—поскольку Онъ былъ не только Богъ,
но и человекъ, являлъ въ Своей Личности глубокаго патріота,
прежде всего заботившагося о Своихъ соотечественникахъ,
хотя эти оказались и крайне неблагодарными по отношенію
къ Нему? «Не смотря на то, что Израильскій народъ не
пріемлетъ Спасителя своего, что *не славенъ пророкъ въ оте-
чествѣ своемъ*, истинный Пророкъ не бѣжитъ тотчасъ изъ
отечества за границу, чтобъ оттуда бросать въ него грязью
или спасать другой народъ; но, съ терпѣніемъ перенося пред-
разсудки и ожесточеніе своего народа, проповѣдуетъ ему»...²⁾
и,—повторяемъ,—раньше, чѣмъ другимъ. Ужели здѣсь не
видно патріотизма? А какъ Господь скорбѣлъ по поводу ожи-
давшей Иерусалимъ горькой участи, какъ Онъ печалился, когда
смѣтрѣлъ на этотъ городъ при Своемъ «торжественномъ» въ
него «входѣ»! «*И когда приблизился къ городу*», «повѣствуетъ
св. евангелистъ,—*то, смотря на него, заплакалъ о немъ.
И сказалъ: о, еслибы и ты хотя въ сей твой день
узналъ, что служитъ къ миру твоему! Но это сокрыто
нынѣ отъ глазъ твоихъ; ибо придутъ на тебя дни, когда
враги твои обложатъ тебя вкопами и окружаютъ тебя
и стѣснятъ тебя отвсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ
оптѣй твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня
на камень*»... (Лук. XIX, 41—44). Проявляя Свое патріоти-

¹⁾ Протопресв. І. Л. Янышева „Православно-христіанское ученіе о нравственности“ (Москва. 1887 г.), стр. 231.

²⁾ Ibidem.

ческое чувство, Господь проявлялъ Свою безконечную любовь и ко всему человѣчеству. Первое чувство нимало не препятствовало обнаруженію второго. Такъ оно, какъ мы въ свое время видѣли, должно и быть (вопреки Толстому и К^о), когда мы имѣемъ дѣло съ патриотизмомъ истиннымъ, а не съ окрашеннымъ чужаиднымъ эгоистическимъ элементомъ... Духъ Христова ученія воплотился и въ Его св. апостолахъ, которые были проникнуты тѣми же патриотическими чувствами, какія были присущи и ихъ Божественному Учителю. «*Если кто*», говоритъ св. ап. *Павелъ*,—«*о своихъ, и особенно о домашнихъ, не печется, тотъ отрекъся отъ вѣры и хуже невѣрнаго* (1 Тимое. V, 8). Но это патриотическое чувство, не ограничиваясь тѣсными рамками «домашнихъ», такъ сказать, отношеній, расширяется у св. апостола дальше и изливается уже на всѣхъ «Израильтянъ»—его соплеменниковъ. Упорство ихъ, ихъ невѣріе въ Мессію—Исуса Христа, удаляющія ихъ отъ царства Божія, отъ сопричисленія къ сонму членовъ послѣдняго, крайне тягостно для св. Апостола: «*истину говорю во Христѣ*»,—читаемъ у него—«*не лу, свидѣтельствуецъ мнѣ совѣсть моя въ Духъ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ*»... (Римл. IX, 1—4). Что можетъ быть больше той жертвы, какую готовъ принести св. апостолъ за спасеніе своихъ соплеменниковъ ¹⁾? Нѣтъ ничего, потому что для христіанина, полагающаго во Христѣ весь смыслъ своей жизни, «*быть отлученнымъ*» отъ Него равносильно потерѣ всего, наиболѣе и даже единственно цѣннаго для него, потерѣ самой жизни. Такъ великъ былъ патриотизмъ св. апостола! И однакожь, это нисколько не попрепятствовало ему стать апостоломъ «языковъ», возвѣщать проповѣдь христіанской любви всему человѣчеству!..

На этомъ мы и окончимъ свою рѣчь. Хотя мы имѣли бы возможность привести немало свидѣтельствъ въ пользу патриотической любви, находящихся въ святоотеческой письменности

¹⁾ Сравни. 1-е посл. къ Корине. Климента Рим., гл. LIII, стр. 106—107 («Писанія мужей Апостольскихъ». Въ перев. о. П. Преображенскаго. Сиб. 1895 г.).

сти ¹⁾, но ихъ въ настоящій разъ оставляемъ въ сторонѣ въ виду того отношенія къ даннымъ свидѣтельствамъ, въ какомъ къ нимъ стоятъ Толстой и его почитатели. Да, кромѣ того, послѣ ясныхъ библейскихъ—непререкаемыхъ показаній, уже и нѣтъ надобности въ какихъ-либо еще новыхъ свидѣтельствахъ.

И такъ, что же мы видѣли, разсматривая вопросъ о патріотизмѣ главнымъ образомъ предъ лицомъ графа Толстого съ его возраженіями и недоумѣніями? Мы видѣли, что 1) патріотическое чувство не носитъ признаковъ случайности, а есть чувство естественное, чего, напротивъ, объ эгоизмѣ сказать нельзя; что 2) патріотическое чувство отсюда не анахронизмъ нынѣ, а всегда—самое понятное и даже единственно понятное, коль скоро рѣчь идетъ объ отношеніяхъ человѣка къ своему государству, членомъ котораго онъ состоитъ; что 3) причина войнъ, раздоровъ, несогласій лежитъ вовсе не въ патріотизмѣ, а въ эгоизмѣ, придающемъ ненормальный характеръ человѣческимъ взаимоотношеніямъ, и что правильно понимаемый и нормально примѣняемый—патріотизмъ не есть зло, а есть благо; что 4) отказываться отъ патріотизма нѣтъ никакихъ основаній; скорѣе—наоборотъ: всѣ основанія—за укрѣпленіе этого чувства; что 5) намъ нѣтъ никакихъ побужденій слѣдовать примѣрамъ Конфуція и Будды, которыхъ, кромѣ того, Толстому рекомендуется правильнѣе уразумѣть; и что, наконецъ, 6) ссылка Толстого на примѣръ Иисуса Христа—Господа нашего говоритъ не въ пользу графа, а въ интересахъ защитниковъ патріотизма. Все дѣло—въ томъ, что графъ неправильно представляетъ себѣ данное чувство, судить о немъ по его извращеніямъ, обусловленнымъ вмѣшательствомъ эгоизма. Между тѣмъ при правильномъ пониманіи патріотизма дѣло обстоитъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ иначе. Отсюда вполне понятными представляются намъ слѣдующія положенія: «едва ли что—нибудь можетъ говорить въ такой степени о величіи» патріотическаго «чувства къ родинѣ, къ народу, какъ христіанство. Христіанинъ и истинный патріотъ—это—понятія нераздѣльные. Даже мы можемъ утверждать, говоритъ Пальмеръ, что только тотъ можетъ быть истиннымъ патріотомъ, кто въ тоже время есть истинный

¹⁾ Между прочимъ, чит. цитов. книгу проф. А. Θ. Гусева: „Основные правила“..., стр. 194—196.

христианинъ, потому что только въ немъ мы можемъ искать чистой любви, чуждой какихъ бы то ни было самолюбивыхъ заднихъ мыслей»..., а вѣдь «христианскій патриотизмъ» и «чуждъ», непремѣнно «чуждъ всякаго эгоизма, своекорыстія». Утверждать иное—значить совсѣмъ не понимать христианства, «патриотизмъ» представителей котораго, по точному выраженію одного православнаго богослова, «не только не устраняетъ, но необходимо предполагаетъ уваженіе ко всякой другой чуждой народности..., уничтожаетъ всякое стремленіе къ насильственнымъ... захватамъ..., вызываетъ самое широкое и братское общеніе между разными народностями..., пробуждаетъ стремленіе ко взаимной помощи и взаимному содѣйствію»..., его цѣль—«соединеніе всѣхъ народовъ въ одну братскую семью для устроенія царствія Божія на землѣ, утверждающагося на началахъ правды, любви и свободы и предполагающаго, чрезъ это самое, счастье всѣхъ народовъ и всего чело-вѣчества, какъ живой, органически связанной, совокупности» націй ¹⁾...

Всѣ предыдущія разсужденія даютъ намъ право отвѣтить на поставленный въ началѣ нашей статьи вопросъ отрицательно. Мы спрашивали: *предосудителенъ ли патриотизмъ?* Отвѣчаемъ: патриотизмъ, правильно понимаемый и нормально примѣняемый, не предосудителенъ и даже болѣе того: долженъ быть всячески поощряемъ и рекомендуемъ.

„Dixi et animam levavi“...

Александръ Бронзовъ.

1900 г. 10 Февраля.

¹⁾ „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христианству“ проф. А. Ѳ. Гусева (СПБ. 1874 г.), стр. 274. 277. 276.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки